

Михаил Буканов

*Тетери-
потятери! Иди!*

ПОЭЗИЯ

Михаил Буканов

Тетери-потяттери! Иди! Поэзия

«Издательские решения»

Буканов М.

Тетери-потяттери! Иди! Поэзия / М. Буканов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854648-8

Итак, панове и гражданы, дамы и паненки, а также господа из мира мне лично недоступного, то есть, прозаики и поэты! Тут всё для вас. С Божьей помощью приступим. И, как говорят мои нынешние сограждане, наслаждайтесь!

ISBN 978-5-44-854648-8

© Буканов М.
© Издательские решения

Содержание

Пацаны сороковых	7
Сотворение мира	8
Звериный парикмахер	10
Полковая разведка	12
Страсти	13
Клоун Клёпа	14
Дневальный. 1 неделя службы	15
Мыслитель	16
Чёрти что!	17
Речка Вобля	18
Польше	19
Блондин	20
На танцах	21
Понтий Пилат	22
Поэтические опыты	23
Русичам	24
Обстоятельства пропуска работы	25
Разбойники и дураки	26
Внезапная гроза	27
Нас не надо жалеть, ведь и мы никого б не жалели	28
Поэтическая мания	29
Расстрел	30
Похмелье	31
Памятник солдатам в Польше	32
Майор спецназа	34
Одна из баб	35
Музыка	36
Память	37
Ночь партизана	38
Две стороны	39
Демократы понарошку	40
Яйценюху посвящается	42
Мечты Парашенко	43
Ещё один	44
Некоторым старым иммигрантам	45
Особый случай	46
Не твоим ли пышным бюстом Перекоп мы защищали!	47
Под Макеевкой	48
Ажиотаж в Крыму	49
Супружество	50
Зима в Киеве	51
Поздняя осень	52
Смысл	53
Малютка	54
Поколения российские	55
Было дело	56

Заветы Швейка	57
Памяти Саддама	59
Поезд из Мурманска	61
Лётчица	62
Нам в другую сторону	63
Веселие Руси...	64
Маньяки	65
В начале войны	66
Судьба работников печати и прочих	67
Переселенец	68
Роль США в международных организациях	69
Бытейское	70
Шурале	71
На нейтральной полосе	72
Перемены	73
Стишата	74
Забытая война	75
Горе от ума. Не Грибоедов	77
Мухомор и Боровик	79
Замирение с татарским ханством	80
Вундеркинд	82
Глава семьи	83
Дела верховные	84
Ностальгия	85
Зека	86
Исход	87
Демография	88
Скоро Новый год!	89
Снегурочка	90
Самоубийцы	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Тетери-потяттери! Иди!

Поэзия

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-4648-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пацаны сороковых

Тетери-потяттери, кто нам здесь указ?
Под бомбёжкой матери выносили нас.
Братья наши старшие не пришли с войны,
Так что пригодились мы позже для страны.

Пацаны начала мы злых сороковых,
Тоже разделились на мёртвых и живых.
Половина выжила, половина нет.
Времена суровые, и судьба не в цвет.

Нас сейчас осталось, в целом, ничего.
Жизнь нас мяла, метила, всех до одного.
Нам пути не скатертью, камни да бугры,
Были мы и сыщики, были и воры.

Что могли, то сделали, всё, уйти пора,
Впрочем, продолжается вечная игра.
Что там напорочило колесо судеб
Новым поколения пареньков и дев?

Сотворение мира

Где-то там, во тьме, без света
Обреталась планета.
А над ней носился дух,
Услаждая тишью слух!

Что-то скучно стало, что ли,
Дух подумал о приколе,
Отделил он свет от тьмы,
Звёзды вынув из сумы.

А потом зажёл светило,
Что б оно Земле светило,
Примастрячил к ночи день,
Стало лучше, ясен пень!

Духарился дух, как птица,
Так читалась лествица,
Звери, рыбы, птицы, гад.
Голый, в перьях, иль мохнат.

Тут бы взять остановиться,
На беду пришла девица,
Заявила, мол, Лилит,
И безмужичье её злит.

Не пошёл ей дух навстречу,
Только буркнул, шельму мечу,
Всю окрасил в чёрный цвет,
И отправил на тот свет.

Мир решил отдать Адаму,
Дал и для Адама даму,
Но, в невинность их вогнал,
Чем в конец и заманал.

Все вокруг плодятся звери,
На деревьях и в пещере,
От соитий рёв стоит,
А Адам на Еве спит.

Дух-он тоже был с расчётом,
Отступать решил с почётом,
Змея мудрого послал,
Ну, а тот проглололал.

Скушай яблочко ты Ева,
Скоро будешь ты не дева,
И Адам, довольно спать,
Не простит природа-мать.

Тут в процесс пошли рефлексы,
Камасутра глыбит сексы,
Телевизора-то нет,
Секс на ужин и обед.

Вроде дух журил кого-то,
Только мир – его работа.
Мы – расходный матерьял,
Дух – создатель всё объял!

Звериный парикмахер

Дело было раз в Керчи,
Водки где – хоть год торчи.
В средостеньи двух морей.
Там-то жил наш брадобрей.

Айсор был он, не еврей,
Стриг и брил мужик зверей.
Делал холю им ногтей,
И милашек из чертей!

Впрочем, мог и холостить,
Что б проблемы упростить.
Иль купировать мог хвост,
Если шёл тот в бурный рост.

В целом, сей ветеринар,
Был безопасен, как бинар.
Где, когда состава два,
Не болит и голова!

А когда составчик слит,
Он живое враз спалит.
Что дышало – всё в тлену,
У Люцифера в плену!

Наш айсор и водка врозь
Безопасны, хоть их брось.
Но когда одно в другом,
То парнище – дураком!

Раз он принял литру в рот,
Мир вдруг стал наоборот,
Стал враждебен и поган,
Взвыл айсор наш, как орган.

Навалилась грусть-тоска,
Захватила за бока,
И, колом вооружась,
Зашагал он, чуть держась.

Стен он вражеских достиг,
И внезапно вдруг постиг,
Вот они его враги,
На протяжности руки.

В драке он жестокой пал,
До утра в траве проспал,
Утром смотрит, вот те на,
Вся ограда сметена.

Кто-то вражеской рукой,
Ночью вёл жестокий бой.
Весь ракушечник – в труху,
Негде сесть и петуху.

Вдруг, по радио, ему,
Говорят про власть в Крыму,
Крым отколот в эту ночь,
Украина, с плачем, прочь!

Понял он, за ним придут,
Воздаянье воздадут.
Крым – не собственный забор,
Может вызвать и раздор.

Это ж надо, с пьяных глаз
Отхреначить Крым на раз.
И решил мужик – молчок,
Свой роток, да на крючок!

Перестал он ханку жрать,
И заборы разбирать,
Враз повысил свой статут.
Куаффёр он среди тут!

Мол, французский куаффёр
Не имеет хлеб с афёр.
Где тот Крым и где айсор?
Их и сравнивать – позор!

Полковая разведка

В полковой разведке —
Жуткие ребята,
Все, отнюдь, не детки,
В плен берут без мата.

Нет здесь очень юных,
С пылкими очами,
В шуточках чугуных
Смыслы бьют мечами.

Времени всего-то
ТЬфу на изготовку,
Впереди работа,
Получи шамовку.

Встали, поскакали,
И ушли в туманы,
Там где кровь лакали
Смерти и обманы.

Там где чёт и нечет,
Иль орёл и решка.
Там ты, может, кречет,
Ну, а может, пешка.

Верят, что вернуться,
Как любой убитый.
Бог не даст загнуться,
И придёшь не слитый!

Страсти

Ужас это, если страсть,
Ниоткуда вдруг взялась.
И корёжит в жуть тебя,
Всё спокойствие губя.

Ладно, если ты влюблён,
И в страданиях закалён,
Но, к примеру, ты – игрок,
Не играть что дал зарок.

Или, скажем, наркоман,
У кого с иглой роман?
Вот задумал завязать,
А тебе, кончай дерзать!

Продолжай, ведь хорошо,
Кайф по вене вон пошёл,
Как же можно кайф прервать?
Засыпай, иди в кровать!

И не вздумай применять,
То что может страсть унять,
По малой, в пример, в игре,
Или водку поутре.

Просто взял и завязал,
Сам себе о том сказал,
И держись, друзей здесь нет,
Страсть – прощальный твой сонет!

Клоун Клёпа

Жил был старый клоун, звали его Клёпа,
Видит, что приходит на работе жопа.
Не идёт реприза, не смеётся зритель,
Враз сменил искусство, стал могил смотритель!

Клоун раньше часто выходил во фраке,
Плакал и смеялся в шутовской он драке.
Ныне, с постной рожей, он среди прохожих,
Горечью с печалью на него похожих.

Там про боль расскажет, там тоску утешит,
Словом ободренья неприятность стешет.
Ну, а если можно, над собой пошутит,
В душу он не лезет, а печаль замутит.

А потом стал главный церемонимейстер,
Что, по положенью, в цирке шпрыхтшталмейстер.
Гонорары были просто выше крыши,
Все его печали под метлу, как мыши.

Вроде всё в порядке, тут и старость в радость,
Только клоун запил, самую пил гадость.
И сгорел в минуты, или там в недели,
Под забором сгинул, не в своей постели.

Одолела, видно, старого кручина,
Тяжела ты стала старости пучина.
Верил старый в Бога, жизнь не мог оставить,
Так решил на водку гиблую поставить!

Ну, не может клоун в похоронном доме.
Он копыта кинул в молниях и громе.
Вроде в рёве бури шёл «Парад, алле!»
Клоун расставался с жизнью на земле!

Дневальный. 1 неделя службы

Сон крадётся лапками,
Лапками – царапками,
Закрывает мне глаза,
Весь пушистый, как коза!

Я-дневальный, мне нельзя,
Погружаться, в сон скользя.
Я щиплю себя рукой,
Уходи долой покой.

Что бы чуть себя взбодрить,
Мне б неплохо покурить,
Но, и то не для меня,
Зря желанием маня.

Тут я вспомнил Ирку – *****,
Что давно решила дать,
Правда, только через брак,
В мать её и просто так!

И, динамо, прокрутив,
Пела на один мотив,
После церкви всё твоё,
И сама я и шмутё!

Обманула, обвела,
Из постели убегла.
Так я злостью запылал,
Я ж с ней ночь тогда базлал!

Тут и вахте виден край,
Спать ложись, не помирай.
Прав Толстой был, терпентин-
Он полезен в карантин.

Терпентин есть скипидар,
Очень нужный божий дар.
Ирка ж, девочка – смола.
Позже все решим дела!

Мыслитель

Оторвали в драке таракану ножки,
Стал он плохо слышать, не бежит с дорожки.
Потому что слышит таракан ногами,
Вот такие мысли. Если ты с мозгами!

Коли где хоронят, не спеши со смехом,
Может обернуться шутка кверху мехом.
Если кто-то с краю, не пихай под горку.
Слушай мои речи и цени Егорку!

Все мои советы точно изумруды,
Отрывал их всюду, смёл навоза груды.
Пользуйся, приятель, уцепляй богатство.
Ты, да я, да деверь —филозофов братство!

Поднесите только, люди пол стакана,
Все открою тайны, честно, без обмана.
Я по жизни крепок, мозгой закидаю,
Мне нужна трибуна, в мыслях пропадаю.

Чёрти что!

Играл король на флейте,
Тонул корабль на рейде,
Кричали попугаи,
Но ели расстегаи!

Нет, это попугаи
Играли в расстегаи,
Король тонул на рейде,
Причём кричал о флейте!

Лихие расстегаи
Топили попугаи,
Тут замолчала флейта,
При короле Кювейта!

Иль, скажем так, эмира,
Всемирного кумира,
Что вышел из сортира,
После недели пира!

Речка Вобля

Ах, дороженька, дорожка,
Только пыль из под колёс,
Поворот, а там немножко,
Тихой речки в осень плёс.

Речка Вобля неспешлива,
Да, она не широка,
Но, местами так красива,
Вобля – русская река!

Здесь леса, поля и реки,
Наши русские края,
И слезинка моет веки
Тут и Родина моя.

От Москвы и до Рязани
Наши предки жили встарь,
Может ихними глазами
Вижу осени янтарь.

Да чего-то и в названьи
Чисто русское лежит.
В восхищения признаньи
Слово яркое бежит!

Польше

Сколько стоит твоя гордость,
Сколько стоит твоя спесь?
Может ты умеришь твёрдость,
Ну, не в драку же нам лезть!

Ах, вы польские жупаны,
«Не позволяю» и в седло.
Поистратились вы, паны,
Стали хрупки, как стекло.

Нету больше «корабелки»,
Нету Янкеля с шинком,
Все за вас снимают пенки,
И, притом, ебут тайком.

Вы же гордые, панове,
Так чего легли в гавно?
Нет такого в польской крови,
Рабство панам не дано!

Поднимайтесь, мы ж славяне,
Сколько вместе лили кровь!
Хватит прятать хер в кармане,
Лучше братская любовь!

Блондин

И сказал себе я – Нет,
Ты блондин, а не брюнет.
Правда, цвет чуть-чуть в огонь,
Как в закат река Сморгонь!

Мама мне вот так, глаз в глаз,
За блондина поклялась
Я у мамочки один,
Значит точно, я блондин!

Так что, Люська, это зря,
Оскорблять меня, мудря.
Я не рыжий, а блондин,
И им буду до седин.

А седые блонды все,
Предстают во всей красе.
Был блондин ты, аль брюнет,
Стал седым – сравненья нет!

Рыжий, если как огонь,
Цвет волос, как солнце – конь!
Ну, а если лишь чуток,
То не мучь себя, браток!

Твёрдо знай, блондинчик ты,
Самой полной красоты.
Не огарышь, не гнедой,
В целом, ты блондин простой!

На танцах

Раз на танцах дама мне
Говорит, прижав к стене.
Ты мне ноги оттоптал,
И в лицо башкой бодал.

В ходе танца ты курил,
Пеплом в декольте сорил.
Шарил сзади ты рукой.
Я тебе не куль с мукой.

В чувства ты меня вогнал,
В целом, в корень заманал.
И теперь – бери меня,
Мне супруга заменя!

Я, хотя и пьяный был,
Осторожность не забыл.
Сделал рожу кирпичом,
И говорю ей, вы о чём?

Дама тут сменила тон,
Пусть, моветон, а мы в притон.
Там я принял бутылёк,
Лёгким стал как мотылёк!

Так что вышло по её,
Тяжело моё житьё.
Я женат, ташу мой груз,
Жизнь в полоску. Как арбуз!

Понтий Пилат

А у Понтия Пилата проблема,
Виновата в той проблеме система.
Вот евреи распинают благого,
Да ещё и проклинаят нагого.

А Пилат не слал Исуca на муки,
Он всего-то что умыл руки.
Не сказал ни слова в защиту,
Словно разыграл карту биты.

Мы винить евреев не можем,
От Европы мы получим по рожам,
Те кто всё решил, все в сторонке,
А Пилат на проклятой шконке!

Только не был прокуратор тот трусом,
Тянет Правды воз с тяжким грузом.
А Синедрион – он решает,
И Исусам жить всё мешает!

Стал Синедрион против мира,
У него в Нью-Йорке квартира.
И кричит про зрячих: Распни.
Как и в те далёкие дни!

Поэтические опыты

Остались от ёжика только иголки,
Бежал поперёк, поскользнулся на втулке.
Печален последний забег в том проулке,
То мина была, и останки – на ёлке.

Печалит та весть всех проезжих шофёров,
Кто мину поставил, о том разговоры,
С полей большегрузы везут помидоры,
А тут грянул взрыв средь осенних просторов.

Злодейка Зима всё укроет вуалью,
Душа же рыдает, ей жалко каналю.
Под снегом земля чугуеет печалью,
А воздух пропитан морозом и жалю!

Но, зайчика белый бежит по дорожке,
Пусть короток хвостик, да резвые ножки.
Взорвался и этот, народ всё рыдает,
Поспел Айболит, на останках гадает!

Русичам

Лучше пасть мёртвыми в битву,
Чем устремиться в полон?
Или, свершивши молитву,
Рвать на двенадцать сторон?

Каждый по-жизни решает,
Мера решений – душа.
Совесьть нам жить не мешает,
Судьбы по-ходу круша!

Мёртвые сраму не имут,
Князь говорил в старину,
В рай их архангелы примут,
Воев, кто пал за страну.

Так умирали матросы,
Тельник рванув на груди,
Кровью там дыбились росы,
Лились железом дожди.

Нету погибшим сорома,
Святы и в смерти дела.
Нет у изменников дома,
Родина их отмела!

Обстоятельства пропуска работы

Из объяснительной записки.

Мы с соседкой польским лаком
Крыли в комнатах паркет.
Это вам не крендель с маком,
И не розочек букет.

Лак – он липкая зараза,
Запах – выноси святых,
Да ещё покрой два раза,
Выжить тут – не из простых!

Вот она елозит раком.
Нанося на доски смесь,
На носках скользя над лаком,
И вдыхает лака взвесь.

Голова и закрутилась,
Ближе к дальнему углу,
И соседка очутилась,
Вся в растяжку на полу.

Два часа я там марался,
И, пока не отодрал,
Просто ужас как старался.
Что бы чёрт меня подрал!

Разбойники и дураки

Бой был на валашках быстротечен,
Тодор Табулток врага убил,
Да и сам он вовсе был не вечен,
Он разбойник был, а не дебил.

Дураки, так те, по-жизни, вечны,
И не правда, что в России лишь.
Все их рассужденья скоротечны,
С дураком умом не пошалишь!

Стенку ли построить на границе,
Выкопать глубокий странный ров,
Соколу ль, свободной вольной птице,
Предложить гнездиться средь оков.

Прыгать всей страной для сугрева,
Украину славить и народ,
Печь топить отходами из хлева,
Запрещать леченье для сирот.

Объявлять, что пол страны – не люди,
Запрещать понятную всем речь.
Поднимать свідомость как на блюде,
И людей живыми насмерть жечь.

Табулток, тот грабил для наживы,
Правда, долю бедным отдавал.
До сих пор о нём сказанья живы,
Он врагам своих не продавал.

А речистый пресловутый Киев,
Куплен, и за сущие гроши.
Их пацан чернявый в дупу выеб,
А они притырились в тиши!

Внезапная гроза

Я по улице Солянке
Бодро жму в «Иллюзион».
Надо ж быть такой подлянке,
Вот он я, а вот он – Он!

Он не рыло, просто случай,
Чёрт меня попутал что ль?
Словом, в небе туча тучей,
Не пройти, как в «Метрополь!»

«Метрополь» – для иностранцев,
Это знает вся Москва,
Там, среди вина и танцев,
За валюту все слова!

Ну, а здесь воды потоки,
Я такого не видал,
Словно Бог, нарушив сроки,
Мне с потопом угадал.

Лето жаркое, не осень,
А по лужам не пройти,
Вона, ветром урны сносит,
Что попались на пути.

Ветер ломит с ног прохожих,
А воды – поток бежит,
И не стало лиц пригожих,
Всяк от холода дрожит.

Градом лупит, как из пушки,
Полосует молний блеск,
Тихо крестятся старушки,
От разрядов громкий треск!

И, внезапно, всё на месте,
Солнце в небе, тишина,
Лишь вода и мусор вместе,
Мостовая не видна.

Не попал тогда в кино я,
«Ричард Третий» мимо рта.
Вот и времечко иное,
Да примстилась мутота!

Нас не надо жалеть, ведь и мы никого б не жалели

«Нас не надо жалеть, ведь и мы никого б не жалели.»
С. Гудзенко.

Не жалеите вы солдата,
Люди «доброй воли!»
Не терзайте в пищикато,
Хрен жуя без соли.

Не нужна воякам жалость,
Лучше сигареты,
Да во фляжке водки малость,
Из дому приветы.

Командир что б был разумным,
Иногда награды,
И не надо скудоумным
Их порочить взгляды.

Я о том, что честь дороже,
Сраму нет убитым.
Ну, а шрамы коль на роже,
Знать войной был мытым!

Вас солдат не пожалеет,
Да с какой печали?
А любовь под пеплом тлеет,
Лишь бы отвечали!

Поэтическая мания

По хреновой по дорожке
Хрен шагал, устали ножки.
Хрен уселся на порожке,
Хреновато, жмут серёжки.

Чёрный чёртик чёртит что-то,
Выпить чёртушке охота,
Накалякал чёрт бутылку,
Напоил чертячью милку!

Хватит, больше не хочу,
Кто последний здесь к врачу?
Я – прозаик, не поэт,
До стихов мне дела нет!

Проза – это для великих,
Сонм поэтов многоликих
Засосал меня, и вот,
Так стихами и несёт.

Пётр Первый шёл, строгая,
Пётр увидел попугая.
Попугая Пётр поймал,
Продал, пропил, куш не мал!

Доктор дайте мне таблетки,
Мы – прозаики – так редки,
Что поэты нас затмили.
Так прозаик я, иль, или?

Гений. Я, в натуре, гений.
Тут не может быть двух мнений.
И к чему приплёл я «или»?
Дважды два – всегда четыре!

Расстрел

У расстрельной у стены
Мне расстрельщики видны.
Вроде рож знакомых нет,
Иль знаком вон тот корнет..

В плен нас просто не берут,
Разговор бывает крут,
Если красный командир,
То смертельный будет тир!

Да и мы офицеров
Постреляли будь здоров.
Раз идеен, не шали,
В штаб Духонина вали!

Точно, вспомнил, наш студент,
Он из города Дербент,
А теперь у беляков,
Наших бьёт без дураков.

Он студент, и я студент,
Русский наш интеллигент,
Но, по разным сторонам,
Я к рабочим, он к панам!

Тут команда: Взвод, огонь!
Слышу песни под гармонь,
Небо поменяло цвет,
Вот и всё, меня уж нет!

Похмелье

Чебоксары, Чебуреки,
Чебурашки,
Там гармонь на саунд-треке,
И ромашки.
Или нет, ромашек нету,
Есть пионы,
Шапокляк идёт по свету
Под знамёны!
Барабаны, муть валторны,
Скрипок всхлипы.
Все эмоции приторны,
Горечь липы!
Апельсины,
И директор зоосада.
Всюду русские осины,
Вот досада.
Намешалось чёрти что
Во сне у ночи,
А последним конь в пальто
Среди рабочих.
Вот он влез на броневик,
Да к пулемёту,
Не пальто, а дождевик,
Накрыло роту.
Фейерверком разлетается пространство.
Тяжко утром после целой ночи пьянства!
Я с утра лечу подобное подобным,
И в запой легко лечу путём удобным!

Памятник солдатам в Польше

Тёмно-тёмно-красные
Цветики-гвоздочки,
До смерти опасные,
Очереди точки.

Там, на поле, в травушке,
Рота окопалася,
Полегла в муравушке,
Под огонь попалася.

Дзот – он на пригорочке,
Ну, а мы – в низиночке.
Не писать Егорочке
Свойской девке Зиночке.

Половины вроде бы
Не держать земелюшке,
Не увидят Родины
Ваньки, да Емелюшки.

Били немцев в Припяти,
Нонеча, под Краковом.
Выстои да выпяти
Смерти Карпа с Яковом.

И лежали мёртвые,
Сраму не имевшие,
Своей жизнью гордые,
Песнь свою пропевшие.

Без вины виновные
Всё стране отдавшие,
И по-смерти скромные,
Много повидавшие.

Польше мы не дороги,
Всё переиначили,
Русские им вороги,
Разом обозначили.

Память позабытая,
Будет бить забывшего.
Слава не убитая,
Укоризна бывшего.

Польска! Не сгинела ты
Мёртвыми Иванами.
Лучше им неси цветы,
И не лезь с обманами.

Кто там знает, что вдали,
Русские-то под боком.
Так от мёртвых отвали,
Время пахнет порохом!

Майор спецназа

Посвящается киноактёру Балуюеву.

Ночью дожди, это осень жалеет о лете.
Ты пережди в мягких тапках и тёплом жилете.
Ветер скребёт за окном по стенам и по крыше.
Мягким свинцовым руном заполняет карнизы и ниши.

А у камина бордовые бродят зверюшки,
И телефона молчащая мина лежит на подушке.
Нет, не должны бы звонить, но ведь могут, бродяги.
Некого мне здесь винить, я по-жизни майор, и бумаге!

Звук телефона, он вечный призыв беспредела.
Где-то военная зона, и, значит, что наших беда там задела.
Русский спецназ, хоть погибни, но всё же ходи козырями.
С неба под ливни, иль в снег, иль в пески за морями!

Ну, а сейчас наступила пора расслабона,
Или на час отпустила нас, сталкеров, Зона.
Всё хорошо, но покой спецназёру лишь снится.
Вечер какой, я дремлю, и не снится граница!

Одна из баб

Между нами говоря,
Я пришёл-то к ней зазря.
Точно, полный идиот.
Больше не нашёл хлопот!

Помню это, как вчера,
Был поддатым я с утра.
Где-то что-то добавлял,
Пивом водку разбавлял.

Мне бы лучше не идти,
Завернуть домой с пути,
Как под локоть кто толкал,
Просто вспомнил и взалкал.

Ты просила не входить,
Меньше чуши городить,
Не забыть, у ней ведь муж,
Я вошел, пришёл раз уж.

И, конечно, вот же, хват.
Муж подруги, старый Гнат.
Слово за слово, да вот
Я ему ногой в живот.

Отлетает он назад,
Закатил совсем глаза,
Тихо охнул и обмёр,
Я к нему, а он помёр!

Так теперь на нарах я,
Плачет Гнатова семья,
И её стенанья в ряд
Украшают в смерть парад.

Ну, скажи, не дурачок,
Нонче всё в один пучок,
Ей наследство, мне сидеть,
Мир в решёточку глядеть!

А откинусь, так она
И не вспомнит, сатана.
Мало ль Гнатов на Земле?
Глядь, она опять в седле!

Музыка

Просто старая расчёска,
Да бумаги пергамент,
И прислушалась вся вёска,
Не пуститься ль в пляс в момент.

Пой «Лявониha» – старуха,
Танец просят каблуки,
Ничего, уйдёт разруха,
Коли живы мужики.

Белорусская деревня,
Три землянки, хат здесь нет.
Здесь жильё славян издревне,
Новым срубом сельсовет.

Всё вражины попалили,
Скот угнали, в поле гарь,
Лучше б нас они не злили,
Не гневилы неба хмарь.

Ничего в той вёске нету,
Ни скотины, ни зерна.
Но восстанут избы к свету,
Коли музыка слышна!

Память

Вот у Чёрной, у реки,
С пистолетами враги.
Там и Пушкин и Дантес,
А вокруг зима и лес.

Да дуэль не удержать,
И руке не задрожать,
Оба вы попали в цель.
Тем и кончилась дуэль!

Кто и помнил бы Дантеса?
Из какого интереса?
Муж сестры жены поэта.
И забыли бы про это.

Был майор Мартынов крут,
Но, отнюдь, не баламут.
Не спускал обид задор,
Или, что б болтали вздор!

Вот с поручиком дуэль,
Но, ему носить шинель,
А убитый, на шинели,
Был доставлен до постели.

И, в истории герой,
Не убит лихой порой.
Старость, горечь от разлук?
Доживает век без мук!

Простаком был Герострат,
Всё решил на свой уклад.
Храм Афины запылал,
А народ его заклал.

Но, в историю попал,
Славен ноне на века.
Сколько их на пьедестал,
Вроде грека-дурака?

Ночь партизана

В небе месяц денюжкой поломанной,
И не светит и не греет, тля,
Я лежу игрушкой забракованной,
А наутро ждёт меня петля.

Ни к чему мне утро, зря торопится,
Проводить меня в последний путь.
Погоди, силёнок малость скопиться,
Я ещё рвану куда-нибудь.

Ох, и хлётко бьют здесь полицаюшки,
Не жалеют рук своих и ног,
Мне б размером стать поменьше заюшки,
Да в нору нырнуть бы под порог!

Лёгкий шум меж стрехою и крышею,
И оттуда резачок на пол.
Пять минут, считайте, звали Гришею,
Ножик часовому, в руки ствол.

Не сбылось, что было напорочено,
Виселица, свежей гари пыл.
Всё в деревне в доски раскурочено,
День январский краток и постыл.

До чего легки вы сны посмертные,
Всё дано, что нету наяву.
В никуда вы, ко всему инертные,
Партизан валяется во рву.

Две стороны

Что, кадеты, в плен попалися?
Пощекочем вас клинком.
Тут немногие остались,
Бились с красным кав. полком.

Офицеры все поранены,
Трое вовсе вон лежат.
Но, погонами огранены,
Перед смертью не дрожат.

Изменилась ситуация,
Ведь не дале как вчера,
Пулемётов апробация,
Шли расстрелы на ура.

Тех сегодня, этих ранее,
Нет ни наших, ни чужих.
Хорошо в Раю собрание,
Там и барин и мужик.

Все легли за дело правое,
И по всем умершим грусть.
Вот же времечко кровавое,
Перемены гложут Русь!

Демократы понарошку

Раньше были за народ
Наши демократы,
Младший брат у нас урод-
Сами виноваты.

Обогреть и обтесать,
Приучить сморкаться,
Вот, и ногти не кусать,
Во пьяни – не драться.

Подарить ему букварь,
Да копейку-книжку,
И внушить, что он не тварь,
Когда хватит лишку.

Было, сами шли в народ,
И с литературой,
Приоденутся как сброд,
Вроде с массой-дурой.

Получивши же отлуп,
Очень обижались,
Мол, народец пьёт и глуп,
Зря мы с ним вожжались!

Нынче демократ не тот,
Бьёт народ безменом,
Мол, русак, как готтентот,
Склонен он к обменам.

На ваучеров муру
Купится как надо,
Мы ж – имущество в нору.
Кто тут нам преграда?

На хрена нам брат меньшей?
Ни к чему забота.
Тырь страну, не будь лапшой,
Пропадай, сволота!

Ну, не люди, кто не вор,
Не из нашей бучи.
И писак протяжный хор
Подпевает с кручи.

Жириновский либерал?
Не смешите даже!
Старый прусский он капрал,
Только в русской саже.

Да, ещё и демократ
Этот старый дядя.
Яд принял в себя Сократ,
На таких вот глядя!

Где ж находятся сейчас
Наши демократы?
Мимо денег с песней мчась,
Затаились в хаты.

Ждут, изменится страна,
Позовут их к власти.
Перспектива – не видна,
Не фартит их масти!

Яйценюху посвящается

Такая видится картина,
Стоит украинский детина,
Ну, может, Гриц, иль Опанас
И смотрит пристально на нас!

И молвит с думою во взоре,
Что им ништяк, то мне на горе.
Коллапс России близко-близко,
Расти скорей моя пиписка!

Имею гордую надею,
Что я Россией овладею.
Вот рухнет тамошная власть,
Я шась, моя мечта сбылась!

Волхвы мне подсказали это,
О том мечтает вся планета,
Нам перемога, им облом,
И, по хребтине что б колом!

А Русь его не замечает,
От пустоты не отличает.
Предел погрешности, нулѐк.
Пускай полает кобелѐк!

Мечты Парашенко

Когда бы люди меньше ели,
И меньше пили бы когда,
Исчезли зимы и метели,
И не рвались бы провода.

И уголь возникал из грязи,
А газом наполнилась труба,
И Пентагон что б был на связи,
Да что б лицом ко мне судьба.

А супостаты из Донбасса
Поднялись разом на крыло,
И что б вдали исчезла масса
Что б всех их в море унесло.

Исчезли дразги и раздоры
Среди моих друзей-врагов,
И прекратились разговоры,
Что я краду без дураков.

Россия сгнула в клоанцу,
Что б не осталось и молвы,
Тогда и я, посредством танцу,
Собщю всемирно, живы мы!

Ещё один

Ах, твои глаза-василёчки
Доводили девок до точки.
Да и чубчик твой кучерявай
Был для многих ночью забавой!

Ты теперь стоишь-ноги босы,
Холодят ступни утра росы.
Руки на ремнях за спиною,
Под кирпичной дома стеною.

Ты за жизнь свою не канючил,
Почитай с полгод укров дрючил.
На войне бывает так, и без счёта,
Что тебе и жить неохота.

Друг проспал, не поднял тревоги,
Через миг враги на пороге,
Другу хорошо, он на небе,
Нет проблем о жизни и хлебе.

Да и у него больше нету.
Отгулял бродяга по свету.
Пулемёт из танка, нет жизни.
Парень наш на тризне в Отчизне!

Некоторым старым иммигрантам

Пьеро, напудренный и в белом,
Кривлялся старым жирным телом.
И, чуть картавя, пел нам песни,
Но, вот, печали нет, хоть тресни!

Ушли во тьму былые годы,
Те, кто уплыл, на пароходы,
И вновь, в страну кормленья Русь.
Мол, сам я с прошлым разберусь!

Был за границей, пел в формате,
С которым вряд ли на Арбате.
В России, чуждое отринув,
Рубил деньгу, Пьеро подвинув.

Пристроив в ней жену и дочек,
Вёл свой кораблик среди кочек.
Зачем на органы переть,
Когда сумел своё втереть?

И сколько их, кто от режима,
Бежал, блажа из сказок Грима,
О невозможности творить,
И запрещеньи говорить?

Теперь в Россию стричь капусту
Вернулись братья по искусству.
Несчастный Брайтон опустел,
Без их приевшихся всем тел.

А чуть-чего, сбегут другие,
России ныне дорогие.
А получает, так назад,
Сорвав с подушек мягких зад!

Особый случай

Поручик! Вы подлец и трус.
Короче, с вами я дерусь.
Два пистолета и барьер-
Предел для подлецов карьер.

И не подумаю, мон шер.
Я из евреев, ем кошер.
А тут придётся есть свинину.
Я оскорблюсь, не примину!

К тому же, я подлец и трус.
Принципиально не дерусь.
Так обойдитесь без меня,
В своих делах себя вина.

А я, как птичка коростель,
Бегом отсюда, да в постель.
Стреляться? Ну, конечно нет.
Иди стреляйся сам, корнет!

Не твоим ли пышным бюстом Перекоп мы защищали!

«Не твоим ли пышным бюстом Перекоп мы защищали»!
Уткин Иосиф.

Иосиф был поэт от Бога,
Но, только путался слегка.
Трудна была его дорога,
Но, он в Раю наверняка.

В его стихах бежало время,
Он выбрал красных, шёл и пел.
Война снесла росток и семя,
Поставив точку и предел.

Майор, погибший в самолёте,
Под истребителя огнём,
Читал Лермонтова в полёте,
Так и погасли мысли в нём.

Сейчас мы многих позабыли,
Что были гордостью для всех.
А значит, мы себя избыли,
Под Петросяна вязкий смех.

Но, было сказано не нами,
Мы поименно вспомним их.
Тех, кто объаты смерти снами,
Но, жив всегда их гордый стих!

Под Макеевкой

Говорил солдат, я вернусь,
Вспоминай меня ты, Маруся.
Будем мы зоревать на рассвете,
И распишемся в сельсовете.

Не пришлось солдату вернуться,
Бой смертельный был, не очнуться.
А Маруся теперь старушка,
И просохла от слёз подушка.

Редко молодость вспоминает,
Как до смерти дожить не знает,
Ни врачей теперь, ни продуктов,
Кой-какой запас только фруктов.

В прошлый год ещё закатала,
Да осталось уж банок мало.
Хлеба нет, да и есть-то нечем.
Слава Богу, что век не вечен.

Молодая была – война,
И старуха – опять война.
Где же ты, Большая страна,
Та, которой старуха нужна?

Ажиотаж в Крыму

Самолёты, пилотаж,
А в Крыму ажиотаж.
Летунам у нас летать,
Вот такая благодать!

Столько женихов летят,
Переловим, как котят,
Форма новая у них,
Для любой летит жених!

Будут находиться здесь,
Вон, уже в газетах весть,
На любой и цвет, и вкус,
Как же тут не впасть в искус?

Красят девки местный клуб,
Приходи, который люб.
Нам годна любая масть,
С офицером не пропасть!

Закрутилось, там семья,
Муж, и с неба, вот он я.
С летунами можно в брак
И в семью без сор и драк.

Прилетайте, летуны,
Дни свободы сочтены.
Ждёт вас дом и политрук,
Да семейный тёплый круг!

Супружество

Два человека не в силах друг друга понять,
Предпочитая супруга пинать и пенять.
Просто возьми промолчи и забудь,
Нет, оскорбляют, браняться и против теченья гребут.

И, в результате, семейного лада разрыв,
Да, в отрицание мира, меж парюю взрыв.
Хрен тебе ночью, меня не проси, я не дам.
Машка мне даст, пропадай чёрный твой чемодан!

Я для начала свободы по-скотски напьюсь,
К маме уеду, и с мамой обратно вернусь.
Я твою маму, по-пьяни, башкой в унитаэ.
Всё, нет семьи, в прошлом времени этот рассказ.

Что не сложилось? Да просто уступки нужны,
Жизнь – она лучше когда все проблемы видны.
Время играет, порою нас гнёт на излом.
Мы ж по супругу в ответку с размаху колом!

Бабы ль правы, или всё же правей мужики?
Нету ответа, любой будет здесь не с руки.
Только ведь есть интересы детей и семьи.
В целом, об этом сегодня и мысли мои!

Зима в Киеве

Ветер бродит по асфальту,
Смело лезет под подол,
Иней красит Лавры смальту,
И в снегу лежит Подол.

Холодает в целом, в массе,
Дурнив нема на майдан.
Нет валюты нонче в кассе,
Всех остудный ждёт Касьян.

Что ж ты ненька Украина
Так к народу своему?
Он не пришлая скотина,
Так за что страдать ему?

Да и пришлых-то не видно,
Разбежались от проблем.
Так что широму обидно,
Что ему игра эмблем?

Перегрызлись генералы,
В руководстве треск и шум.
Постоянные авралы,
Да АТО ещё на ум!

Нет угля, и нету газа,
Сала и горилки нет!
Да у Ющенко проказа,
Кучма врёт на белый свет.

Москали, оно конешно,
Всем известно, что враги.
Так своим бы жить безгрешно,
Что ж, мы все тут, дураки?

Холодает, холодает,
Впереди лежит мороз.
Населенье голодает,
Вымирает от угроз.

Без прививок и вакцины,
Без лекарств и без еды.
Руководству б хрен в струбцины,
И под лёд бы, без балды!

Поздняя осень

Ветер на трубах играет в ночи свой гавот.
А балерины-снежинки кружат, и без всяких забот.
Белым покрыть обозримую сущность вокруг,
Снегом улечься, работа без взглядов и рук.

Как мономерны снежинок узоры и свет фонаря,
Запах арбуза, свечение блёсток, а там и заря.
Солнце взойдёт, побежат по снежинкам лучи.
Снег пропадёт, видно остры лучи, как мечи.

Солнце становится красным, теряет свой пыл,
Натиск на снег остывает, вот вовсе остыл.
И не снежинки, огромные хлопья идут,
Снова зима побеждает в сражении тут!

И над каминной высокой кирпичной трубой
Ветер играет гавот, явно слышен гобой.
Дым по округе, и запах сожжённых древес.
Белки на ёлках, косули вдохнули, и в лес!

СМЫСЛ

Ах, как сплетались тела
В начале ночи,
Стреляли разом два ствола,
Хватало мочи.

А ближе к утру, ей то что?
Да без проблемы.
Да только парень не за то,
Отпал от темы.

Он отвернулся и заснул,
Так Бог устроил.
Природы гайку затянул,
Резерв утроил.

Её спокойно на троих?
Не то ребята.
А смысл всех изысков моих?
Стезя проклята.

В предбывшем первую семью
Господь отметил.
И за прелюбы, да в Раю,
Был путь не светел.

Он Еве ненасытство дал,
Адаму меру.
Адам за Еву пострадал,
За в Змея веру.

Неравны половины две,
Порой и очень.
Держите это в голове,
В теченьи ночи!

Малютка

Прелесть что за ножки
У красы-малютки.
Шёлковая кожа,
Остренькие грудки.

Чёрные как ночка
Глазки с поволокой.
Пятнушки как точки,
Цвета кофе Мокко.

Кабарга лесная
Бродит возле дома.
Крошка озорная
Всем моим знакома.

Их тут много в чаще,
Зайцы, лисы, белки.
Рядом с домом чаще
Назначают стрелки.

И чего их тянет
Ближе находиться?
Лес под снегом вянет,
Ветерок сердится!

Поколения российские

Пацаны двадцать третьего года,
Лейтенанты, старлеи Победы.
Пережившие смерти невзгоды,
Ныне старые дряхлые деды!

Мы родились в Москве под бомбёжкой,
А росли в перевёрнутом мире,
Рады были наестся картошкой,
Да и то, коль отца не убили.

Нам сегодня... да много, ребята,
Старики, пусть не дряхлы, но деды.
Все мы тоже России солдаты,
А истоки в героях Победы!

Не пришлось нам, российским солдатам,
На просторах Державы сражаться,
Потому что отцы с автоматом,
Отучили противников драться.

Но, подраться мы были готовы,
Заменить старших братьев погибших,
Хоть росли мы совсем не суровы,
Вспоминали, до нас не доживших.

Шли в Угрозыск готовые к риску,
В космонавты, да тут не в протырку.
Пацаны поменяли прописку,
Там где тонко, собой крыли дырку.

Ангара, Аппатиты, да Тында-
Имена из страны биографии.
И звенела спасателей рында,
«Путь к причалу», не всем им потрафили.

А сегодня – оружие в руки,
Пацаны на Донбассе, как деды.
Если выживут, будут их внуки
Говорить о величьи Победы!

Было дело

Помню в наши времена
В запьянцовку шла страна.
На работе и в дому —
Всё к чертям, не по уму!

Так сложилось, скука в дом,
И быстрее тебя притом.
Где-то там, в выси, вожди,
А на нас идей дожди.

На театр не попадёшь,
Из кино плюясь бредёшь,
Пёстрый весь от всяких мет,
Жизнь проходит, жизни нет.

А потом ушла еда,
Тряпки, всяка лабуда.
В магазинах – как шаром,
Не держава, а сором!

Раньше пили на троих,
В коллективе каждый лих.
Всё, другие времена,
И поддержка не нужна.

Вот такой простой пример
Из конца ЭС С С ЭР.
Коли я добыл «Агдам».
Никому его не дам.

Он хорош на все дела,
Для обмена и стола.
И как взятка для врача,
Что бы скинуть хворь с плеча!

Те, кто кашу заварил,
Много денег наварил,
А народ – остался гол,
Совершенно, как сокол!

Нынче поокрепла Русь,
Береги рубли, не трусь.
Малость хуже? Не беда!
Всё не край, как был тогда!

Заветы Швейка

Швейк Йозеф – философ
От фуражки до трусов.
Хоть немного, и не всклад,
Пел про штык и про приклад.

Помню песенку одну,
Про дела и про войну,
Жаль, что слышал только часть,
Но, и это будет в масть.

«Я то думал в самом деле
Баловать с войной!
Думал, через две недели
Возвращусь домой»!

Не шутите, украинцы,
С матушкой-войной.
Вас такие ждут гостинцы,
Не снести с женой!

И чего там, две недели,
Или месяцок?
Ждут вас смертные постели,
Выстрелы в висок.

И гранатные растяжки,
«Грады», «Смерчи» – ад!
Как бы не было промашки,
Вдумайся, солдат!

Кто сегодня в кабинетах,
Всех их ждёт деньга.
В Старых или Новых светах
Сладки берега.

Ну, а если «Смерч» ударит
Да по Львову вдруг?
«Буратино» отоварит
Местечковый круг?

Вдруг война придёт с Донбасса
Да к тебе домой?
Злых солдат повалит масса
Под снарядный вой?

Станут беженцы в колонны,
Но, куда бежать?
А шахтеры закалёны,
Их не удержать!

Так не надо, не балуйся,
Воротись домой.
Жив остался, так целуйся,
Ешь галушки, пой!

Не буди, солдатик, лиха,
Не гневи судьбу.
Лихо спит спокойно, тихо.
Ждёт тебя в гробу!

Памяти Саддама

Плавали в бассейне
Золотые рыбки.
Во дворце Хусейна
Громко пели скрипки.

Жил себе диктатор,
Кочюмал по свету,
Записной оратор
Клал на всю планету.

Резал лиходеев,
Делал это чисто.
Персов, как злодеев,
Изводил он исто.

Даже и не думал,
Рыпаться на Штаты.
Ветер в поле дунул,
Весь он виноватый.

Полонили гады,
В петельку тугую.
Пусть в объятых Ада
Песнь поёт другую.

А Ирану радость,
Нету супостата.
За такую гадость
Слава вам, ребята.

Стали размножаться
Всякие ИГИЛы¹,
Трудно удержаться,
Прут как крокодилы.

Враз полезли в драку
Воины-талибы.
К опийному маку
Прут пуштунов трибы.

Весь Магриб бушует,
Африка клокочет.
Кто-то всё крышует,

¹ Организация запрещена в РФ.

А Саддам хохочет!

Нет Каддафи ноне,
Мубарак в загоне.
Только Льва Башара
Мчат к победе кони!

Поезд из Мурманска

А за окнами леса,
Ёлки стары.
В два объёма телеса,
Звон гитары.

Вот матросу повезло
С голодухи.
Зимней ночью назло
Злой старухе.

На столе стоит коньяк,
Да закуска.
Не обломится, верняк,
Полка узка.

Ничего, могём и так,
Ноги выше.
А матросик не простак,
Кроет крыши!

Хорошо купил ЭС ВЭ,
Подфартило.
Полупьяной голове
Девка мила.

Что с обоих этих взять?
Как в берлоге.
Бог их здесь решил связать,
По дороге.

Наш матросик в море был,
Аж, полгода.
А у девки муж запил,
Вот невзгода!

И по пьяни, да под лёд.
Склеил лыжи.
То-то сон их не берёт,
Аз и Иже.

Лётчица

Ах, какие лёгкие у неё шаги.
Про дела амурные думать не могли.
Платице с горошками, волосы в разлёт.
Нонче в небо девица, в первый свой полёт.

Вот она прикинула лётные очки,
На штурвале стареньком две её руки.
Взлёт, и без инструктора, рядом облака,
Небо светло-синее, а внизу река.

А полгода минуло, и учебный полк,
«Поликарпов» старенький, как беззубый волк.
Стрельбы, бомб метание, да в ночи полёт.
Первое задание, новый самолёт.

Боевые вылеты, орден и медаль.
Лейтенант – девчоночка улетает в даль.
Взлёт, а вот с посадкою что-то не срослось.
С той поры прострелянной время пронеслось.

В речке, по-случайности, корпус найден был.
Орден покорёженный водолаз добыл.
Тут она, пропавшая, ей судьба не в цвет.
За Отчизну павшая, в восемнадцать лет

Нам в другую сторону

Спущена рубашечка с одного плеча,
Девонька Наташенька в танце горяча.
И платочек Павловский, где горят цветы,
Вечером привиделся мне из пустоты.

Девочка-попевочка от АЗЛК
Тёмным давним вечером скажет мне: Пока.
И уедет утречком строить Аппатит.
Там найдёт любимого, и ему родит.

Ох, вы годы старые, песня про одно,
В разные сторонушки, прямо как в кино.
Мне дорога к Северу, да и ей туда.
Просто там не встретились больше никогда!

Наш эсминец старенький бороздил моря,
Аппатиты рядышком, все попытки зря.
Не дошли без адреса письма до неё.
Видно не судьбина нам, так что ё-моё!

Веселие Руси...

Пел мужик, набравшись всклянь,
Под гармонь и под тарань.
Тары-бары, растабары,
Перепились занзибары,
До молитвы не дошли,
Продолжать в кабак пошли!
Собутыльник закусил,
Не преминул, и спросил.
А чего муслимы пьют,
Им же, вроде, не дают?
Отвечал певец лихой,
Что ж, вопросик неплохой.
Всё, чего не виноград,
Всё под сусло будет в лад.
К перегонке подойдёт,
И с тобой в процесс войдёт!
Рис, картошка иль маис
Все до сусла добрались.
А на них запрета нет,
Как компот идёт в обед!
А у нас вот, на Руси,
Кого хочешь распроси,
От старинных от князей-
Есть завет, мол, не глазей.
Просто махани стакан,
Скинь с себя тоски аркан.
Глядь, и женский пол с тобой,
Мир не кажется тюрьмой,
Все заботы где-то там,
Груз проблем – ненужный хлам.
Припаси на опохмел,
И пей, пока не очумел!

Маньяки

В Москве кошмар, один маньяк
Людей курочил просто так.
Кого поймают, за кадык,
И всё, абзац, а с ним кирдык!

Печальный в небо жертвы крик,
Неважно, девка иль старик,
Убьёт, помучив, вот дела,
Но, Уголовка замела.

Гуманность, в принципе, важна,
Тут все согласны, что нужна.
Мосгорсуда был приговор,
«Расстрел», и совесть не в укор.

И недовольных, вроде, нет,
Что пал маньяк во цвете лет.
Народ вещал наоборот,
Что малый дали укорот.

За столько жизней, смерть одна,
Желаньем полнилась страна.
Четверговать, потом на кол,
Пускай сидит и бос и гол!

Но, есть у нас в стране народ,
Что видит всё наоборот.
Правозащитников кубло
Долгонько всю страну трясло.

Не жертвы, им то их не жаль,
А о расстрелянном печаль.
И за границей и у нас
Рыдали в профиль и в анфас.

С тех пор прошло немало лет,
И изменился белый свет.
Но, не исчез продажный клан,
Те, для которых ты – баран!

Зато любовь к врагам страны,
Что из шахна у Сатаны.
И имя есть им – легион,
Так и кишат со всех сторон!

В начале войны

Каблуки в асфальт уходят,
Что-то гарью понесло,
В небе птицы хороводят.
Вот уж истинно тепло.

Здесь в июль катилось лето,
Сорок первый, страшный год.
Отступают наши где-то,
И призыв вовсю идёт.

Ночью – светомаскировка,
И зенитки шерудят,
Кое-где горит Покровка,
Под огнём Охотный ряд.

Убывают эшелоны,
В тыл заводы и Нии,
А оттуда в бой колонны,
Прямо под Смоленск, в бои.

Зорге шлёт радиogramмы,
Мол, Япония не враг.
Мёртвы бабушки и мамы,
Всех каратели в овраг.

Всё пока ещё в начале,
Перспектива не видна.
Утоли, Господь, печали!
Впереди лежит война!

Судьба работников печати и прочих

Лев со слоном играли в чехарду.
Осёл был пьян, дудел в свою дуду.
Мол, этот спорт не нужен никому.
Царём был лев, ослина сел в тюрьму.

А лис имел с два короба ума.
Ну, на хрена ему была нужна тюрьма?
Тихонько, всему лесу по секрету,
Он написал и тисканул в газету.

Что два титана леса и полей
Своим примером, вяжущим как клей,
Спортивный ритм задали всем в лесу,
Спортивно показав свою красу.

Ну, а теперь, зверюги все «ан масс»,
Забросят водку, перейдут на квас.
Сам по себе присущ всем зверям спорт.
Хорош он для клыков, хвостов и морд!

И лис в почёте, он при всех делах,
Еды навалом, водит лис на трах.
Но, вот однажды вещь не по уму,
Слон наступил на голову ему.

Ну, не видал, когда толкал ядро,
Что сзади лиса в сектор занесло.
Метнул, шагнул, а тут несчастный лис.
Не воскресить беднягу, злись, не злись.

Осёл своё отбыл, да за стакан,
Как выпьет, так пускается в канкан.
Спортивный танец, вроде при делах.
Искусство танца развито в ослах.

Морали здесь и с лупой не сыскать,
Зачем мне камни из огня таскать?
Сочувствую ослу и славлю ос.
Которым Лёву цапнуть довелось!

А слон? Ваше, в натуре, не причём.
Не надо делать морду кирпичом.
Не всё он видит, просто зашибёт,
Его проблема эта не ****!

Переселенец

Покати шаром по дому,
Счёта в банке тоже нет.
Ситуация знакома,
Думал Паша Шеремет.

И куда теперь податься?
Украина – боль моя,
На Донбасс идти сражаться,
Ей победу там куя?

Или к бабушке в Ростове,
Долго старая зовёт.
Вон повесточка на мове,
Призывайся и вперёд.

А братишка в ополченьи,
Значит встретимся в бою.
Так и запил в огорченьи,
Бросил без харчей семью.

Но, проспался и собрался,
Всей семьёю – в Воркуту.
Никогда не побирался,
И плевать мне на АТУ.

Мол, шахтёр и сын шахтёра,
Руки есть и голова.
Верит в нового стартёра,
Быль о прошлом – трень трава!

Роль США в международных организациях

Раньше был на перекрёстках постовой,
Он махал руками, но ведь думал головой!
Выполнял он регулирующий свод.
По которому движение идёт.

А потом его меняет светофор,
Не даёт движенью выйти из опор,
Всё в порядке, экипажи мчат в строю,
Светофор мигает – я не зазбою!

Все дела компьютер перенял,
Если кто не прав, тому пенял.
Больше безопасности в пути,
Шанс растёт живым домой дойти!

Но, потом пришёл большой елдак,
Всем сказал, вы ездите не так,
Всю регулировку устранил,
Хоть бы кто его остепенил!

Роль руководителя легка,
Делай, что желает левая нога.
Правила все походу меняй,
Помни суть – меня не обгоняй!

И летят в кюветы обитатели дорог.
Многие задеты, ожидают похоронных дрог.
А елдак на это с присвистом кладёт.
Может нам иное что за ним грядёт!

Бытейское

И чего ты только
Мне ни обещал,
Столько и полстолько,
Часа не молчал.
Говорил уедем
В дальние края
К северным медведям,
Ты ж любовь моя.
Коньяком и кофе
Досыта поил.
На широкой софе,
Что со мной творил?
А теперь линяешь?
Было дело, что ж?
Ты меня меняешь
На вот этот нож!
Пьяная улыбка,
Мутные глаза.
Где-то плачет скрипка.
Неба бирюза!

Шурале

Где-то, середине леса,
Леший дрался без подмеса.
Скушал сочненьких грибков,
И лупил без дураков.

Семирукые злодеи,
С Заозёрья чародеи,
Нападали все гуртом,
И с дубинами притом!

А голов они имели
На своём огромном теле
Штук по восемь на плечах,
И кистени на помочах!

Заяц был при всём при этом.
Он великим был эстетом.
Написал в «Лесной газете»
О невиданном балете.

Мол его знакомец, Леший,
Победил всех в битве пешей.
Так как средствами искусства,
Танцем, выразил он чувства.

Передал накалы боя,
На прыжках этюды строя.
Чувства взрыв, души обличье,
И народное величье.

Из балета «Шурале»
Просто сделал крем-брюле!
Сразу видно, что танцору
Образ витязя был впору.

Леший вскоре захрипел,
Рухнул в мох и захрапел.
А проснулся знаменит.
Да и заяц прёт в зенит!

На нейтральной полосе

Тики так, идут часы,
Нет нейтральной полосы.
И сходил бы по цветы,
Да в «зелёнке» их посты.

И у нас в «зелёнке» пост,
Тут любой не будет прост.
А иначе, ты в плену,
И битьём избыл вину.

Ох, «укропы» могут бить,
Мне дружбана не забыть.
Переломы рук и ног,
Помнит укровский сапог!

Я, ребята, снайперю,
Смерть я лёгкую дарю.
Командиры, арт. услуга.
Им сегодня будет туго!

И, конечно, снайпера,
Это наша спец. игра.
Я его, иль он меня
Порешаем в ходе дня.

Внешне, я лохмат как куст,
Горизонт пока что пуст.
Можно просто полежать,
Взглядом горизонт обжать.

Скоро зимний вечерок,
Возвращаться выйдет срок,
Сам я в поле целый день,
Вот такая дребедень!

Никого не жалко мне,
Я в родимой стороне,
И не люди в гости к нам,
Хрен с укропом пополам!

Перемены

Что-то циники в разлёте,
А романтики в подъёме,
Просто наша Русь на взлёте,
Не в болоте, в окаёме!

Меньше «музыка» блатная,
Редок разговор на «фене»,
Уголовка не «цветная»,
Нет жиганов на арене.

«Пусси Райот», «Воровайки»,
Там же где шансон «Бутырка»,
Сдохли роботы и фуфайки,
Перекрылась им протырка.

Фуа-гра с хамоном нету,
И картошка из Рязани,
Разнеслось на всю планету,
Про упрямство рашен Ваньи.

Липецк, Мурманск и Камчатка,
Обороты набирают,
Велика страны площадка,
Строят, моют, убирают.

Стадионы, эстакады,
Да спортклубы и мосты.
Запад вертится с досады,
Устремления просты.

Развалить бы к божьей маме,
Русь бы в Рашку изломить.
Яфет с Симом видят в Хаме
Лишь раба, что б их кормить!

Стишата

Акутагава Рюноске,
Никогда не носил обноски.
Никогда не ел макароны,
Никогда не носил кальсоны!

Швейк никогда не ел суши,
На закуску кнедлики кушал.
Отродясь не видал японцев,
Как и диких тогда эстонцев.

Натараджа в Индии Шива,
Знал что сущность весьма плешива,
Пахтал Бог океан долговато,
Сущность же, как была, плешивата!

Лев Толстой бродил по аллеям,
К бабам лез, лип с словесным елеем.
И ни рыбы не ел, ни мяса,
Только зелень, опосля кваса!

Если кто-то читать возьмётся,
И на эту хрень поведётся,
Разъясняю, це бред, братишка.
Подписуюсь: Буканов Мишка!

Забытая война

Конница Будённого
Гром копыт.
С Востока разорённого
На Львов летит.

А на Висле встали
Тухачевского полки,
Всё ещё в начале,
Наши шансы высоки!

А потом на Висле чудо,
Русь в пролёт,
Россиянам худо,
Польшу слава ждёт.

Сотня тысяч воинов
Умерла в плену,
Это как пробоина,
В ту войну.

Кресы стали польскими
Воровски,
Шли путями скользкими
Шляхетники.

Истинно российские
Земли, да себе.
Никли византийские
Орлы на гербе!

Год пришёл, вернулось всё
На круга,
Только вновь войну несёт,
Из далека.

Правда не об этом
Нонче разговор.
С давним вам приветом
От тех, кто помёр!

Требуют расплаты,
Да за Катынь.
Погоди, ребята,
Чуть-чуть остынь!

Сотня тысяч сгинувших,
Это как?
Ноги там откинувших,
Где реял польский флаг!

Горе от ума. Не Грибоедов

Полюбила бабка Ёжка
Книжки умные читать.
Сядет в ступу, в путь-дорожку,
И читает, благодать!

А особенно любила
Всяки-разны словари.
Мол, в ученье этом сила,
Нужно, что ни говори!

И однажды укупила
Русский толковой словарь.
Но, ебительская сила,
Он толстенный, не букварь!

И она читает только,
То что крупным шрифтом там.
А её сожитель, Колька,
Тоже взглядом по шрифтам.

Колька – гном, ему до фени
Эти русские дела.
Только не остаться в тени,
Так старуха завела.

В голос воет, мол, скотина,
Неученье – точно тьма.
Ты же умненький детина,
И в башке полно ума!

Я, как герцогиня Альба,
Всё в наследство и тебе.
Только в целом было б жаль ба
Удавить тебя в избе!

Гном от этого от дела
Полетел в глухой запой,
В зад послал старуху смело
И отправился в забой.

А Яга, читая книгу,
Протаранила раз ЛЭП.
И исчезла враз, без крику,
Случай был зело нелеп.

Прочитал я строчки выше,
Жалко стало персонаж.
Голос мой всё тише, тише.
Я беды ташу тоннаж!

Мухомор и Боровик

Раз великий Мухомор
Объявил поганкам сбор.
Что бы всем идти на рать,
Убивать и умирать!

Мол, немедленно в поход,
Кто полезный, тех в расход,
Лишь тому мы будем рады,
Кто в себе имеет яды!

Но, Съедобный Боровик
Был не менее велик.
Объяснил, мол, эту хинь
Сунь себе под хвост и вынь!

Вы съедобны по природе,
Хоть и ядовиты вроде.
Да ведь лоси вас едят,
Хоть потом в раскос глядят.

Кайф от вас – мечта наркота,
В медицине без пролёта,
Так что мы полезны все,
Хошь, спроси Алдар Косе!

Нам войны не нать, не надо,
Здесь, в лесу, для всех отрада.
Мухомор, умерь свой пыл.
Пока вовсе не остыл.

Не дано договорится,
Значит рекам крови литься.
Люди влезли, иль грибы,
Будут жертвы от борьбы!

Ну, а кто там во главе,
Всё равно теперь тебе.
Лес сгорит, и всем хана.
Также коль сгорит страна!

Замирение с татарским ханством

Раз стрелецкий голова
Объявил тревогу,
При подсчёте раз и два
Вывел полк в дорогу.

А навстречу шел Мизгирь,
Старичок убогой,
Видит войско во всю ширь
Лентой многоногой.

Он подумал и кричит,
Стойте, раздолбаи.
Впереди там рать торчит,
В ней одни бабаи!

То есть, куча мужиков,
Как один татары.
Пусть их кони без подков,
Всё не тары-бары!

Их побьёте, так и вам
Вдосталь на орехи.
На хрена вам шум и гам,
И в делах помехи?

Разрешите, я пойду,
Потолкую тихо.
Отведу глядишь беду,
Заманаю лихо!

Только дайте мне с собой
Бочки водки старой,
Что-то типа «Зверобой»,
И цыган с гитарой!

И легко решил дела,
Все там перепились,
Рать как мёртвая легла,
Сколько ни крепились.

Воевода подошёл,
С водкой для похмела,
Всяк стрелец себе нашёл
В этой битве дело.

Замирились под балдой,
Нынче даже дружат.
Лучше мир, пускай худой.
Ни о чём не тужат.

Вундеркинд

Стрекотуха Зойка
Тарахтит как сойка.
Речь ведёт как пулемёт,
Только пуля и уймёт.

А приятель Ваня,
Молоко стакана,
Видел в небе баобаб,
А на нём с десяток баб.

Глеб, по-жизни, тугодум,
Всё берёт себе на ум.
Тушит взглядом спички,
По дурной привычке.

Манька душой не была,
Что могла, то в рот брала.
Чупа-чуп ей склеил рот.
Дав привычкам укорот.

Всё, довольно про друзей,
Всяк на стих теперь глазей.
Подаю на конкурс я,
И без всякого вранья.

Нонче в нашем детсаду
Стихоконкурс был в ходу.
Мне достался первый приз.
Стихоплётство мой каприз!

Я не Светик из «Незнайки»,
Не пишу шутливо байки.
Маяковский ближе мне.
Мы в сатире на коне!

Глава семьи

Что, почём, и где, и сколько,
То в семье не мне решать.
Принесу деньжонок только,
И стараюсь не мешать.

Тут жена в авторитете,
Что в постели, что еде,
В жутком промискуэтете
Я накрыт почти везде.

Лишь в одном ещё свободен,
Выбираю деток пол.
Я на это дело годен,
Так сказать, детей посол.

Без моей без хромосомы
Только девок ей рожать,
Мои доводы весомы,
Их никак не избежать!

Дела верховные

Что ни делай, не убудет.
Говорил один чудака,
По себе о мире судит,
Мол, весь мир сплошной бардак.

Это если ты с женою
В рассуждениях погряз,
За своею за стеною,
Бормочи как унитаза.

Ну, а если ты решаешь
Как другим на свете жить,
Постоянно всем мешаешь,
Сам решаешь, с кем дружить?

А кого вбомбить в пылюгу,
Что бы в каменный, да век.
Туго затянуть подпругу,
Что б сломался человек?

Насадить свои порядки,
Перетрахать всех вокруг,
Неугодных – в тюрьма грядки,
По головке – если друг!

Тут семь раз отмерить надо
В претендентах на престол,
Может влезть такая гада,
Что поможет только тол!

Ностальгия

Старая печаль на сердце комом,
Ностальгия, что с неё возьмёшь?
По Покровским улочкам знакомым
Ты со мною медленно идёшь.

Ничего, что мы сейчас в разлуке,
Что отсюда много тысяч миль.
Положил на пульт в мыслишках руки,
И лети домой автомобиль!

Там в Армянском переулке школа,
Телеграфный, церковь, и бульвар.
Восточкой сердечного укола
Чистаков заманчивый товар.

«Колизей», совсем не «Современник»,
И «Спартак», и Чаплина кино,
В магазинах очень старый ценник,
В полтора рублёвика вино!

И иду я по Москве незримый,
Той Москве, что ныне вовсе нет.
Где-то варят кофе растворимый,
Валит с Воробьёвых гор рассвет.

Зека

У делянки свой костёр,
Глаз охранника востёр,
Час прошёл, и пересчёт,
Вологодский всех сечёт.

Злой кобель хрипит, сипит,
Нагулял, знать, аппетит.
А морозы к сорока,
Но не ниже, жаль зека!

Коль под сорок – фронт работ,
Ждём, вдруг ниже упадёт.
А тогда нам всем в барак,
Нарядила не дурак.

Тоже ходит среди нас,
Не спасёт его и Спас,
Коли вызверит народ,
Кто-нибудь, да приберёт.

Ждём бациллу вечерком,
И поделимся куском.
Тут без дачек есть братва,
Дашь чего, душа жива.

Ты любого здесь спроси,
Зря сидит, хоть что грызи.
Только верить нам в подляк.
Все живём мы в мире врак.

Несознанка – суть вора,
Мир – азартная игра.
Проиграл, ну, что ж, плати,
Или задом всем крути!

Исход

Войска Оренбургского казаки
Уходили в ледяную тьму,
Ждали их расстрелы и атаки,
Повезёт, так в долгую тюрьму.

Не жалели красных староверы,
Перебьют штыками, и под лёд.
Так что были приняты все меры,
Красные готовили налёт.

Ну, а там наедут трибуналы,
Коли воевал, так виноват,
Все ушли, и стары что, и малы,
Под тяжёлый мат и перемат!

Собирались править через море,
Где-нибудь да в Персии осесть.
Только приключилось злое горе,
Воздаяньем им природы месть.

Снежные бураны запуржили,
Занесли обозы и людей,
И исчезли все, как и не жили,
Так погиб невинный и злодей!

Нет казаков, все легли под снегом,
Только единицы добрели.
А метель неудержимым бегом
Заровняла холмики земли.

Демография

Москвичи – народ неровный,
В целом, больше русаки.
Или, там, татарин кровный,
Ну, еврею быть с руки.

А недавно я услышал,
Из Баку там миллион,
Словно вырвались из дышел,
Да валят со всех сторон.

А ещё и азиаты,
Тоже, вроде миллион,
Молдаване прут от хаты,
И хохлы со всех сторон.

Точно так и в наших Штатах,
Нелегалов – легион,
Все в английских перематах,
Вдрызг летит к чертям закон.

Высылать – себе дороже,
Да и новые придут,
Дать осесть, так не поможет,
Миллионы новых ждут.

Я то прибыл честь по чести,
Сдал экзамены, врасстал,
А потом пахал на месте,
Только в старости устал.

Ну, а этим манна с неба,
Что не сеяли, для них,
Мне не жаль прибывшим хлеба,
Я порядков жду одних.

Всё должно быть по закону,
А не так вот, масть украв.
Шулеров – мешалкой с кону,
Кто по праву, тот и прав!

Скоро Новый год!

Скачет Санта на оленях,
Дед Мороз идёт пешком,
У зимы в суровых сенях
Ночь клубится со снежком.

Москвичи Парижу ёлку
Подарили просто так.
Пропадай «Мистраль» без толку,
Коли президент чудак.

Эксцентрик он, по-французски,
Ну, чудак, на букву «М».
Столько баб ему в нагрузку,
Что с ума сошёл совсем.

Да и наш Барак Обама
Видно тоже эксцентрик,
Ничего не сделал прямо,
За прошедший шестерик!

Впрочем, пусть идут по-боку,
Светлый праздник – он для нас,
Примем мы пшеницы соку,
А потом холодный квас.

И, под рыбу заливную,
Под салатик оливье,
Выпьем за страну родную,
И за счастье на Земле!

Снегурочка

либретто

Как-то за Снегурочкой
Волочился Лель,
Та сначала дурочкой,
А потом в постель.

Родила холодная
В зимнюю пургу,
Деду внучка сводная
Делает агу.

Подросла быстрёхонько
Как на речке лёд,
Пашет, и без оханья,
Ничего не ждёт.

Неохота старому
Из дому идти,
Новая Снегурочка
Уж давно в пути.

Разнесёт подарочки,
Ёлки позажжёт,
Старому пол чарочки,
Закусь и почёт.

Лелю-безобразнику
Наступил кирдык,
Как-то, ближе к празднику,
Обломил кадык.

Острыми ледышками-
В горло, и конец.
В небе всполох вспышками,
Умер молодец!

А Снегурку новую
Высватал Мизгирь.
Свадьбу не хреновую
Справил богатырь.

Ну, а что бы первая
Склок не развела,
Мол, такая стерва я,

Да и жизнь ушла.

Наш Мизгирь провористо
С ней завёл любовь,
Действовал напористо,
Ждёт ребёнка вновь!

Снова деду радости
Полные штаны,
Он устал от младости,
Ищет тишины.

Наш же хват, Мисгирюшка,
Перешёл в Ислам.
Не тяжёла гирюшка,
Взял в гарем двух дам!

Самоубийцы

Как-то раз соседка наша
По прозванию тётя Даша,
Влезла в петлю и стоит,
Точно, дохлая на вид.

Поджидала мужика.
Он поддатый был слегка,
Увидал – жена в петле,
Но, бутылка на столе.

Хрен с ней, – думает, с женой.
Не поможешь, вой, не вой.
Помяну, хоть стервь была.
И присел он у стола.

Маханул один стакан,
Ощутил, что он не пьян.
А коль горе, надо пить,
И решил бутылку добить.

Чисто допил и уснул,
Без закуски был он снул,
А супруга: Удавлю,
И давай пихать в петлю!

Запихала, а потом,
Перевив петлю жгутом,
Шибанула табурет,
Муж висит, спасенья нет.

Участковый, капитан,
Тоже маханул стакан,
И на вызов поспешил,
Ну, бывает, согрешил!

Видит мёртвого в петле,
Бабу, водку на столе,
Что тут к мёртвому спешить?
И давай всю грешить.

С тётей Дуней напились,
Друга дружке отдались,
Прямо тут же, на столе,
А покойный мёрз в петле.

Перепой прошёл уже,
Видит жёнка в неглиже,
С ней знакомый капитан,
Склеил их любви капкан.

Встал покойный, ну, орать,
В Бога, мать, и перемать.
Капитан словил insult,
В голове сломался пульт.

А супругу ждал инфаркт,
Так бывает, это факт.
В общем, оба умерли,
Чисто лапти заплели.

Да ещё их спазм сковал,
Санитаров ждал аврал.
Так их вместе и снесли,
А потом и погребли.

«Нет повести печальнее на свете»,
Об их кончине вспоминают дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.